

Стена. — Санкт-Петербург. — 1992. — 9 мая.

СОВЕТСКИЕ «АМЕРИКАНО»

или Наше отечество — родная речь

Вайль — Генис. Генис — Вайль... Несколько лет назад эти два имени были знакомы лишь читателям «Синтаксиса» или «Нового русского слова», а теперь за их статьи сражаются едва ли не все наши толстые и тонкие литературно-художественные и искусствоведческие журналы. Не говоря уж о газетах. Откройте «Литературку», «Независимую», «Русский курьер»: Вайль —

Генис. Генис — Вайль...

Так и пишут вдвоем, еще начиная с Риги, откуда пересеклись с семьями в Нью-Йорк в 1977 году. И работают по сей день на «Свободе» ведущими культурной программы «Поверх барьеров».

Возможно, первый всплеск интереса к их именам у нас объясним знакомой модой на эмигрантов. Но вряд ли это объяснение годится, когда речь идет об изданной только что в Москве сотысячным тиражом и ставшей уже редкостью книге Петра Вайля и Александра Гениса «Родная речь». Вот что пишет в предисловии Андрей Синявский: «Русская литература явлена здесь в образе морского простора, где каждый писатель сам себе капитан, где паруса и канаты протянуты от «Бедной Лизы» Карамзина к нашим бедным «деревенщикам», от повести «Москва — Петушки» к «Путешествию из Петербурга в Москву»...» Лестно говорится о книге и в послесловии, подписанном Министерством образования РСФСР. Оно же, министерство, рекомендовало «Родную речь» в качестве учебного пособия для старшеклассников — прецедент поистине уникальный...

В Питере Вайль и Генис оказались почти случайно. Заехали на пару дней из Москвы, чтобы принять участие в вечере памяти Сергея Довлатова, с которым дружили и вместе работали в Нью-Йорке.

— Когда Ильфа и Петрова спрашивали, как они пишут вдвоем, те ссылались на Гонкуров. Но как могут все время писать вдвоем критики, литературоведы?

Вайль: На самом деле соавторство романистов для нас гораздо более непонятно. Ведь их труд — слишком интимное дело: выдумать персонажей, ходы...

Генис: Да и потом: то, чем мы занимаемся, нельзя назвать критикой. — Что же это?

Генис: Все, что написано — является текстом. Мы — авторы текстов. А разница только в одном — есть тексты «фикшн», а есть «ноу-фикшн». С вымыслом — или без. Когда говорят «Пушкин вышел на крыльцо» — это вымысел. «Пушкин жил в Петербурге» — уже не вымысел.

То есть мы определили бы свои тексты как «ноу-фикшн». А в принципе на Западе это давно называется эссеистикой.

Вайль: «Эссе» можно определять по-всякому, но, как мы понимаем, это заданная тема со свободными ассоциациями.

— И предмет для вас может быть абсолютно любым? Не только литература, но и кино, изобразительное искусство?

Генис: И политика.

Вайль: И пол. Природа.

Генис: Весь мир для нас — текст.

Вайль: Вот мы написали книгу «60-е годы. Мир советского человека». Там целая глава посвящена Третьей про-

рамме КПСС. Мы посмотрели на программу как на художественный текст — и нашли в ней массу интересного.

Генис: А к кулинарной книге мы подошли как к программе партии — так появилась «Книга о вкусной и здоровой жизни». Поворачиваешь текст в новый ракурс — и становится невероятно увлекательно.

Вайль: Наше дело — всего лишь игра, предназначенная для того, чтобы делать жизнь интересной. Не более. Есть масса других, не менее уважаемых способов это сделать — собирать марки, например. Но нам нравится другое.

Генис: И самое главное, эссеистика в отличие от публицистики всегда несет очень частную точку зрения.

— И что же ваши частные точки зрения всегда совпадают в течение многих лет?

Генис: Чаще всего совпадают. Дело в том, что у нас в молодости появились очень четкие представления о месте в жизни. Это такое частное место, главное — подальше от каких-либо социальных потрясений. У нас была очень веселая и модная жизнь — собирались молодые ребята и говорили о книжках. Те самые русские мальчишки, которые у Достоевского описаны, правда, те водки меньше пили. Мы вели такой же образ жизни, как и миллионы других, а потом стали наши разговоры переносить на бумагу...

Вайль: И превращать в профессию.

Генис: Мы и уехали в Америку только для того, чтобы нам не мешали этим заниматься.

— Вас преследовали?

Вайль: У нас нет никаких претензий к советской власти. Она нас не обижала. Ну выгнала с работы — это пустяки. Мы просто взвесили свои шансы, только и всего. Мне было 27 лет, Саше — 24. Прикинули — какой у нас потолок? И что будем — писать об ударниках соцсоревнования? Не хотим.

Генис: Самое страшное, что могло с нами случиться и что случилось — с нашими знакомыми, — обида на советскую власть. Человек обиделся, все эти годы провел в углу — и жизнь прошла мимо...

Вайль: И потом — не надо забывать об особенностях вида литературы, которым мы занимаемся. Если пи-

шешь стихи или роман, ты не можешь при этом не осознавать свою гениальность. Иначе писать не станешь. И тебе есть прямой резон уйти в сторожа, в лифтеры, Сочинять и быть уверенным в том, что рукописи не горят. У нас-то жанр прикладной! Если хочешь написать свои соображения о роли Достоевского сегодня...

Генис: Или о женских ногах у Пушкина...

Вайль: То, согласитесь, нелепо писать эту работу в стол, прятать от КГБ и надеяться, что через двадцать лет ее напечатают, и народ ахнет! Так что вариант лифтерства и котельничества был для нас исключен.

Генис: Мы никогда не считали себя гениями, у нас скромное дело, всего-навсего — сделать из хобби профессию. В общем-то, мы ее и сделали...

— Догадываюсь, что в Америке это

было непросто. У многих эмигрантов и обидам на советскую власть быстро добавились еще и обиды на Америку... Вы подобное не испытывали?

Вайль: Никогда. Эмиграция болезненна для тех, кто теряет социальный статус.

Генис: Здесь ты говоришь девушке, что ты писатель — и успех обеспечен! Там — неоднократно натыкались: скажешь случайному человеку, что ты русский литератор, и в ответ — сочувственный взгляд, похлопывание по плечу, ничего, вы еще молоды, вы успеете стать программистом...

Вайль: Но мы здесь ничего не оставили. Мы не входили вальяжно в ЦДЛ в кожаной куртке, не усаживались за столик... У нас не было социального статуса. Мы начинали с нуля.

Генис: Довлатов тоже был в сходной с нами ситуации — именно потому, что его не печатали здесь. Для него появление книжки в Америке было подарком.

Вайль: В Америке самая главная ценность — то, что она на тебя плюет! Занимайся чем хочешь, ей до тебя нет никакого дела.

Генис: Короче говоря, там совершенно другая система ценностей. Не противоположная — а другая.

Вайль: И это скорее не разочарование, это открытие. Как человек с христианской системой ценностей открывает буддизм, например. Они не противоположны друг другу, они просто иные. Так и здесь.

Генис: Мы написали толстую книжку про Америку, которая скоро должна выйти. Она будет называться «Американо» — это новое слово, которое мы хотим ввести в русский язык. «Американо» — все, что относится к американской жизни, американской культуре, цивилизации.

Вайль: Но это будет не просто книга об Америке, а взгляд на Америку людей советской культуры. Или, точнее, русской культуры советского периода. Это очень важно, что не человек эпохи Пушкина ее пишет.

Генис: Кстати, если б человек эпохи Пушкина приехал в Америку, он бы увидел совершенно другое. И разница между Россией и Америкой была бы, во-первых, не в пользу Америки, это само собой. А во-вторых, ему было бы гораздо проще понять, что такое «биржа», «закладная» — массу вещей. Пушкин гораздо проще бы вписался в эту жизнь, чем мы.

Вайль: Он понимал, что такое «свой врач», «свой выезд». Какие-то внятные вещи, которые ясны человеку современного западного общества...

— Для вас сегодня имеет значение, куда вы пишете для какого читателя — нашего или американского?

Генис: Ну теперь-то уж вообще нет таких понятий «там» и «здесь». Теперь есть просто «текст», который существует в общем пространстве, в ко-

тором говорят по-русски. И вообще мы никогда не рассчитываем на читателя. Проблема заключается в том, как писать, а не как читать.

Вайль: Вот мнение, условно говоря, Андрея Дочаговича Синявского для нас ценно, а что такое «читатель»? Кто это такой?

— Неужели для литератора не важно войти в эдешний культурный контекст? Трудно поверить.

Генис: Важно. Вот наша книжка «Родная речь», видите — «Рекомендовано Министерством просвещения РСФСР». Мы страшно гордимся этой строчкой.

Вайль: Не далее, как сегодня, мы были в музее-квартире Пушкина на Мойке и остановились у группы школьников. Что несла экскурсоводша — уму непостижимо! Все это было правдиво, но такая отвратительная казенщина, накаленная, как галька от волны... И, конечно, нам было бы страшно приятно, если б какой-нибудь школьник вместо этой тяготины прочел наш текст. Не потому, что он лучше, а потому, что он другой.

Генис: А если он прочтет еще, скажем, книжку Андрея Синявского «Продукт с Пушкиным»...

Вайль: ...которая, несомненно, намного лучше нашей. — будет совсем хорошо. Их должно быть много и разных, чтобы не было канона никакого...

— Выходит, эмигрантской литературы сегодня фактически уже нет! И сравнение русского Зарубенья с «Филиалом» России (открытие Довлатовым в одноименной повести) устарело?

Генис: Фактически да. Эмиграция теряет свою уникальность. В одном смысле она сохраняется — мы, люди, живущие долгое время на Западе, обладаем не общественным, а личным опытом западной жизни. Что бы вы ни говорили, но, прожив на Западе много лет, вы совершенно иначе смотрите на вещи. И это двойное зрение, которое сохраняется у всех эмигрантов, оно тоже интересно и тоже дополняет российскую культуру.

Иные говорят: вот мы, в Америке, вот у нас, в Америке. — большие машины, небоскребы, у нас ванны... Как будто он построил капитализм! Или его отец, или его дед! Они-то как раз строили социализм.

Вайль: И поэтому мы не говорим ни про Россию «мы», ни про Америку... — У вас нет своей страны?

Вайль: Нет страны. Единственное, что у нас есть и про что мы можем сказать «мы» и «наше», — это русская культура.

Генис: А она принадлежит всем, кому она интересна. Кто хочет — тому и принадлежит.

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

● Александр Генис и Петр Вайль.
Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ